

РОССИЙСКИЙ ТРАНЗИТ И ПРОБЛЕМА ТИПОЛОГИЧЕСКОГО РАЗНООБРАЗИЯ «ГЛОБАЛЬНОЙ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ»

Одной из тем, находящихся в последние годы в центре многих политологических дискуссий, идущих в нашей стране, неизменно остается тема характеристики общественно-политической системы, возникшей в России в итоге социально-экономических и политических перемен последнего десятилетия. Оценке сущности изменений, происходящих в России с конца 80-х годов, и анализу перспектив дальнейшего развития страны посвящена огромная литература. Специалистам, знакомым с этой литературой, известно чрезвычайное разнообразие суждений, высказываемых учеными-обществоведами, аналитиками, политическими деятелями как относительно нынешнего состояния российского общества, так и по поводу возможных сценариев ожидающего его будущего.

Существующая разногласия мнений обусловлена не только широтой диапазона политических взглядов авторов, выступающих на данную тему. Она определяется и объективной сложностью, многомерностью, «текучестью» идущих в стране преобразований. В той противоречивой действительности, которую являет собой современная Россия, любое из определений складывающейся политической формации и любой из прогнозов ее дальнейших изменений неизбежно страдает упрощениями и не может не нести на себе печать известной условности.

Вместе с тем глубочайшие и чрезвычайно многомерные трансформации, идущие в России, не являются, как известно, неким изолированным, сугубо страновым феноменом. Российский «транзит» – одно из частных проявлений значительно более масштабного и очень сложного процесса поставторитарных демократических трансформаций, изменивших в конце XX столетия политический облик большей части мира. Поэтому весьма важным условием трезвого, реалистического понимания посткоммунистических преобразований в России должно быть их осмысление в широком контексте поставторитарных перемен, происходящих в последние десятилетия в общемировом масштабе. Для правильной характеристики российских трансформаций крайне

важно уяснить, как они соотносятся с общим процессом, обозначаемым сегодня термином «глобальная демократизация». А это, естественно, требует адекватного понимания сущности и основных закономерностей этой глобальной демократизации.

Два видения «глобальной демократизации»

Если говорить в самом общем виде, то в настоящее время в мировой политической науке можно выделить два подхода к характеристике феномена глобальных поставторитарных перемен.

В соответствии с первым из пониманий поставторитарных преобразований, нынешняя волна демократизации (так называемая «третья волна», согласно общепринятому термину С.Хантингтона) рассматривается как своеобразное выравнивание мирового политического ландшафта по меркам и ориентирам развитой, либеральной демократии классического западного типа. По сути дела, речь идет о движении всего мира к некоему общему политическому знаменателю, к «единому демократическому берегу».

Разумеется, в рамках такой трактовки процессов демократизации существует множество оттенков, оформился ряд более конкретных концепций, касающихся вопросов об этапах политического развития на пути к демократии; о критериях, с помощью которых можно оценить продвижение от одного этапа к другому; об условиях (экономических, исторических, политических, культурологических и т.п.), которые благоприятствуют или, напротив, препятствуют такому продвижению. С помощью этих концепций анализируются особенности демократизации в той или иной стране, изучаются факторы, которые обуславливают конкретный характер политических преобразований и т.д. Но в целом, так или иначе, эти концепции укладываются в общую целостную схему, трактующую процессы демократизации как своеобразную **унификацию политической карты мира**.

Было бы, конечно, неверным полагать, что в рамках такой схемы присутствует лишь оптимистическая оценка общего вектора политических изменений. Здесь находится место и для трезвого понимания трудностей таких изменений, и для весьма объективных суждений относительно торможения процессов демократизации. Сюда вписываются и достаточно тревожные предупреждения о том, что не все страны, вдохновленные идеалами развитой, полноценной демократии, смогут реализовать свои замыслы политической трансформации, а некоторые из них и вовсе могут быть отброшены то ли к прежним «авторитарным берегам», то ли к каким-то новым «землям» на прежнем «материке авторитаризма». И тем не менее соответствующее этой схеме общее по-

нимание сущности идущих в мире перемен заключается в том, что с большими или меньшими трудностями, с большими или меньшими успехами, с большими или меньшими потерями, с разной скоростью, с разной эффективностью, но подавляющая часть стран, бывших еще вчера авторитарными, сегодня движется к некоему общему демократическому стандарту.

В русле такой общей трактовки процесса «глобальной демократизации» пребывает, судя по всему, и господствующее в отечественной литературе понимание российских преобразований, характеризующееся весьма глубоким пессимизмом. Сугубо критический подход к оценке сложившейся в стране политической системы широко распространился с конца 1993 года. Именно после октябрьских событий и последующего принятия Конституции определение политического режима в России как режима явно авторитарного или, по крайней мере, преимущественно авторитарного, практически возобладало среди высказывающихся на данную тему российских аналитиков. В отечественной литературе зазвучало мнение о провале демократических преобразований в нашей стране. Некоторые авторитетные российские исследователи выступили с утверждениями о том, что возникший в начале 90-х годов уникальный исторический шанс движения России по демократическому пути, к сожалению, так и не был использован, что возможности демократизации страны оказались упущенными и российская трансформация потерпела неудачу.¹ Петербургский политолог В.Гельман, подвергнувший обстоятельному обзору большой массив появившихся в 90-ые годы отечественных публикаций по проблеме политической трансформации в России, отметил, что при всем разнообразии мнений, представленных в этих многочисленных работах, все они могут быть объединены одной общей особенностью: ни в одной из них политический режим, складывающийся в стране, не рассматривается как демократический. В лучшем случае, пишет В.Гельман, речь в этих публикациях идет лишь о наличии некоторых элементов чисто поверхностной демократии, не меняющих по сути недемократический характер политической системы в посткоммунистической России.² И действительно, мнение о том, что произошедшие в начале 90-х годов демократические перемены были лишь коротким эпизодом в оказавшемся в целом неудачным эксперименте с внедрением демократии на российскую почву, стало доминирующим в нашей политологии. Принадлежащие отечественным наблюдателям констатации стали харак-

¹ Л.Шевцова. Посткоммунистическая Россия: логика развития и перспективы. Научные доклады Московского Центра Карнеги, Вып. 6-й, М. 1995, стр.32

² В.Гельман. «Transition» по-русски: концепции переходного периода и политическая трансформация в России (1989-1995), «Общественные науки и современность», № 4, 1997, стр.64-65

теризоваться рассуждениями об органической несовместимости демократии с природой общественного сознания и политической культуры россиян, об отторжении российским обществом институтов и принципов политической демократии, ведущем, в конечном счете, к установлению в стране новых форм авторитарной власти.

Новый импульс утверждения подобного рода получили после смены кремлевской власти и победы В.Путина на президентских выборах 2000 года.

Такое видение итогов и перспектив российского транзита следует, очевидно, признать вполне логичным, если исходить из упомянутой выше концептуальной схемы. В самом деле, если расценивать общую тенденцию политических изменений в бывших авторитарных странах как движение (пусть сложное, далеко не прямолинейное, противоречивое, но все же движение) к некоему благодному состоянию либеральной демократии классического типа, к своего рода идеалу политического устройства, то особых поводов для благодушия относительно наших достижений на этом пути, действительно, нет. Более того, можно понять и то, что разочарования в связи с состоянием нашего общества и нашей политической системы побуждают некоторых аналитиков и вовсе сомневаться, – а движется ли Россия вообще в том направлении, что и большинство других поставторитарных стран? Не выпала ли она из общего русла демократизации? Таких сомнений и даже окончательных констатаций того, что Россия потерпела неудачу в усилиях «прибыть» к общему демократическому «берегу», оказавшись таким образом на обочине общемирового процесса демократизации, высказывается в отечественной литературе немало. Нередко с аналогичными суждениями выступают и зарубежные авторы. И если понимать процесс демократизации как унификацию мира в соответствии со стандартами классической, или, как говорят некоторые аналитики, «эталонной» демократии западного типа, то подобные пессимистические суждения о результатах и перспективах российской трансформации выглядят достаточно логичными.

Однако гораздо более продуктивным (во всяком случае, с точки зрения характеристики сегодняшней России), а главное – более соответствующим реальному содержанию нынешней волны поставторитарных перемен представляется иное, получающее все большее распространение в современной политологической литературе понимание «глобальной демократизации», трактующее ее не как унификацию политической карты мира, а скорее как **диверсификацию демократии**, как расширение разнообразия демократических вариантов развития. Как пишет, например, венгерский исследователь М.Симаи, «Вследствие трансформаций в бывших социалистических странах, ценностных изменений в развивающихся странах и разнообразия в уровнях эконо-

мического развития и национальной консолидации, результатом процесса демократизации стало увеличение разновидностей демократии. Любая попытка оценить характер демократии на основе хрестоматийных моделей западной демократии, которые возникали постепенно в результате политической борьбы и долгого политического опыта, является ошибкой». ³ При такой трактовке «глобальной демократизации» речь идет о том, что поставторитарные трансформации последних десятилетий, еще недавно воспринимавшиеся как свидетельство вступления человечества в новую фазу своей истории, а именно в «век либеральной демократии», на поверку не только оказываются сложным и внутренне противоречивым феноменом, но и приводят к возникновению множества несхожих форм общественного устройства, которые могут быть объединены лишь внешними, в известной степени формальными, процедурными атрибутами демократии. Существенно важно признать, подчеркивают руководители одного из международных проектов по исследованию современной демократии, что «нет всеобъемлющей универсальной модели демократии» и что, если оставить за скобками определенный набор минимально необходимых для любой демократии признаков, в остальном речь должна идти о существовании «различных, даже разнородных, моделей демократии». ⁴

Если для первого подхода главным является вопрос о том, будет ли автократия сменена демократией, и если будет, то когда, с какими трудностями и благодаря каким факторам, то для второго подхода основной вопрос заключается в том, *каким типом демократии* будет сменена автократия. «В эру демократии академическое сообщество должно, – считают руководители упомянутого международного исследования, – разработать широко применимую аналитическую конструкцию для характеристики все более разнообразных демократий и установить критерии для сравнения различных типов демократических обществ». ⁵ Таким образом, на повестку дня выдвигается задача анализа происходящих в мире поставторитарных трансформаций не просто как постепенного, более или менее растянутого во времени и сталкивающегося с большими или меньшими трудностями процесса унификации политических систем в соответствии с классическими моделями западного образца («универсализация либеральной демократии»), а скорее как процесс расширения типологического разнообразия демократий.

³ M.Simai. The Democratization Process and the Market. In: T.Inoguchi, E.Newman, and J.Keane (Eds.), *The Changing Nature of Democracy*. Tokyo, New York, 1998, p.123

⁴ T.Inoguchi, E.Newman, and J.Keane. Introduction. In: T.Inoguchi et al. (Eds.), *The Changing Nature of Democracy*, Op.cit., p.9

⁵ Ibid., p.18

Достаточно показательным представляется тот факт, что именно к такому пониманию нынешнего этапа демократизации все очевиднее склоняются в последнее время некоторые весьма авторитетные зарубежные политологи, внесшие в свое время определенный вклад в становление концепции универсализации западной модели демократии. Как отмечает, например, один из видных представителей этой категории западных исследователей Ф.Шмиттер, сегодня, когда достаточно ясными стали многие процессы нынешней волны демократизации и когда гораздо более предсказуемой, чем прежде, выглядит направленность будущих изменений поставторитарных режимов, предвкушение скорого достижения ими «общего демократического результата» уступило место возросшему осознанию того, что «не все устремившиеся к демократии смогут добраться до той цели, которую они намечали». ⁶ О настоятельной потребности в разработке новой типологии демократий говорит и такой известный исследователь поставторитарных режимов как Г.О'Доннелл, подчеркивающий, что нынешние процессы демократизации, охватившие десятки стран в разных регионах мира, не могут привести к одинаковому результату. ⁷ В свете реальных тенденций политических трансформаций последнего периода достаточно симптоматично звучит и вывод, формулируемый С.Хантингтоном о том, что по мере усвоения формальных демократических институтов все большим числом разнородных обществ «сама демократия становится все более дифференцированной». ⁸

Справедливости ради следует отметить, что мысль о расширении в результате нынешних поставторитарных трансформаций типологического многообразия демократий постепенно получает поддержку и среди представителей отечественной политологии. Так, российский исследователь А.Мельвиль считает, что масштабность «третьей волны» демократизации требует более глубокого осмысления вопроса о том, «не имеем ли мы дело с различными демократическими потоками, возникающими примерно в одно время, однако в разных и трудно сравнимых условиях, обстоятельствах и контекстах, а потому протекающими по разным закономерностям». ⁹ И хотя такая позиция еще далека от широкого признания в российском обществоведении, ее появление свидетельствует о весьма симптоматичных изменениях в направленности теоретического поиска отечественной политической науки.

⁶ Ph.C.Schmitter. More Liberal, Preliberal or Postliberal? «Journal of Democracy», Vol.6, N.1, 1995, p.15

⁷ G.O'Donnell. Delegative Democracy. «Journal of Democracy», Vol.5,N.1, January 1994, p.55

⁸ S.Huntington. Democracy For the Long Haul. «Journal of Democracy», Vol.7,N.2, 1996, p.10

⁹ А.Мельвиль. Политические ценности и ориентации и политические институты. В сб. «Россия политическая». М.1998, стр.138

Смысловая неопределенность термина

Думается, что весь опыт трансформационных процессов последнего периода подтверждает правомерность и, более того, необходимость рассмотрения «глобальной демократизации» именно в такой плоскости.

С середины 70-х годов, когда началась нынешняя волна «глобальной демократизации», число государств, относимых к категории демократических, возросло втрое, достигнув, по самым последним подсчетам, 120 (то есть 62 % от всех независимых государств).¹⁰ Безусловно, речь идет о самом общем, расширительном толковании понятия «демократическое государство» – толковании, ставящем во главу угла преимущественно формально-институциональные, «процедурные» характеристики функционирования того или иного политического устройства.¹¹ Однако именно с такими «процедурными» аспектами функционирования политического устройства современная политология связывает в первую очередь выводы о возможности или, напротив, невозможности оценки того или иного государства как демократического.

И сегодня оказывается, что две трети всех государств мира удовлетворяют упомянутому общепринятому минимуму формальных признаков демократии. Правда, как считают некоторые авторы, соответствие такому «нормативному минимуму» свидетельствует не столько о том, что та или иная страна является демократической, сколько о том, что в ней существуют «институциональные основы демократии»¹² и, следовательно, что она может быть определена лишь как «электоральная демократия». Однако даже внутренняя классификация в рамках этой чрезвычайно широкой категории, ставящая целью разграничить «электоральные демократии» по уровню их «демократичности», дает весьма внушительные результаты. Согласно рейтингу «Фридом хауз», учитывающему не только чисто институциональные, формальные па-

¹⁰ См. A. Karatnycky. A Century of Progress, «Journal of Democracy», Vol.11, N.1, January 2000

¹¹ В современной политологии минимально необходимыми процедурными условиями существования таких демократий, объединяемых общим термином «электоральные», считается: 1) обеспечение всеобщих избирательных прав граждан; 2) наличие у граждан возможностей претендовать на занятие выборных должностей; 3) регулярное проведение свободных, конкурентных и справедливых выборов; 4) наделение избранных должностных лиц закрепленным в конституции правом контроля за правительственными решениями; 5) отсутствие притеснений по отношению к политической оппозиции; 6) существование у граждан права на создание и присоединение к независимым ассоциациям и организациям, включая независимые политические партии и группы интересов; 7) существование свободного доступа граждан к источникам альтернативной информации. (См. например: Ph.Schmitter and T.L.Karl. What Democracy is... and is Not. «Journal of Democracy», Vol.2, N.3, Summer 1991, p.81)

¹² См. например: J.O'Laughlin et al. The Diffusion of Democracy, 1946-1994. «Annals of the Association of American Geographers», Vol.88, N.4, 1998, p.547

раметры политического устройства, но и реальное положение дел в области гражданских прав и политических свобод, 85 стран из общей категории «электоральных демократий» классифицировались по состоянию на конец 1999 года как «свободные» (то есть обеспечивающие высокую степень политических и экономических свобод и уважение гражданских прав человека) и 35 стран – как «частично свободные» (то есть допускающие известные ограничения политических прав и свобод).¹³ Причем, отметим, что страны, классифицируемые «Фридом хауз» как «свободные», практически отождествляются западной политологией с «либеральными демократиями» или, по крайней мере, рассматриваются как находящиеся у «минимально необходимого эмпирического порога», достижение которого позволяет причислить их к этой категории.¹⁴

Институциональные изменения, произошедшие в России в начале 90-х годов, позволили ей войти в категорию «электоральных демократий». Однако обольщаться по поводу нашего места в этой «лиге» демократических стран не приходится. Как это ни печально, но Россия находится здесь лишь во «втором эшелоне», классифицируясь только как «частично свободная» страна. В рейтинге «Фридом хауз» Россия «пропускает вперед» не только, например, Латвию или же Эстонию, но и такие страны как Монголия или даже Самоа и Тринидад и Тобаго, также причисляемые к категории «свободных» стран. Довольно слабым утешением России может служить тот факт, что она пребывает в одной «весовой категории», например, с Турцией, Бразилией или же Мексикой.¹⁵

Конечно, можно усомниться в безупречности формальной классификации политических систем, которая дает такие результаты, и рассуждать об изъянах методологии, позволяющей сводить в одну категорию столь широкий набор совершенно разнородных в культурно-историческом, экономическом, социальном и политическом отношении стран. В выделяемой «Фридом хауз» группе из 85-ти «свободных» стран наряду со странами классической, прочно утвердившейся демократии, типа США, Великобритании, Швейцарии и т.п., фигурируют и такие разные «новые демократии», как, например, Испания и Румыния, Венгрия и Папуа-Новая Гвинея, Аргентина и Соломоновы Острова, Южная Корея и Бенин и т.д.¹⁶

¹³ Freedom in the World. The Annual Survey of Political Rights and Civil Liberties: 1999-2000 (New York: Freedom House, 2000)

¹⁴ L.Diamond. Cultivating Democratic Citizenship: Education for a New Century of Democracy in the Americas. Paper presented to the Civitas Panamericano Conference. «Education for Democracy», Buenos Aires, Sept.29-Oct.2, 1996, p.4

¹⁵ См. А. Karatnycky, A Century of Progress. Op.cit.

¹⁶ А. Karatnycky, Op.cit.

Вместе с тем, значительно более существенной, на наш взгляд, проблемой является смысловая размытость самого понятия «демократия». Американский политолог Р.Гастил, которому принадлежит авторство в разработке той самой методологии определения степени демократичности политических режимов, которая вот уже на протяжении ряда лет используется «Фридом хауз» при сопоставлении разных стран по уровню соблюдения в них демократических свобод, еще в середине 80-х годов подчеркивал, что для оценки перспектив демократического режима необходимо уточнить, что именно подразумевается под словом «демократия».¹⁷ Однако единства мнений на этот счет до сих пор не существует. По-прежнему понятие «демократия» само по себе выглядит слишком общим, слишком абстрактным для того, чтобы его использование обладало сколько-нибудь значительным аналитическим смыслом. Как признает один из ведущих мировых авторитетов в области теории демократии Р.Даль, «за двадцать пять веков, в течение которых демократия обсуждалась, оспаривалась, поддерживалась, атакывалась, игнорировалась, утверждалась, реализовывалась, разрушалась и затем иногда вновь восстанавливалась, согласия относительно некоторых наиболее фундаментальных вопросов, относящихся к сути понятия демократия, судя по всему, так и не возникло».¹⁸

И действительно, понятие «демократия» относится к числу тех, которые с большим трудом поддаются однозначному толкованию. В свое время Дж.Оруэлл заметил: «Когда речь идет о таком понятии, как демократия, то обнаруживается не только отсутствие его общепринятого определения, но и любые попытки дать такое определение встречают сопротивление со всех сторон... Сторонники любого политического режима провозглашают его демократией и боятся утратить возможность пользоваться этим словом в том случае, если за ним будет закреплено какое-то одно значение».¹⁹ Р.Даль констатирует сегодня: «...понятие «демократия» имело разное значение для разных людей, в разное время и в разных местах мира».²⁰

С распространением в наши дни демократических форм правления на новые регионы мира достижение единого понимания демократии не только не приблизилось, но и стало еще более сложным. Наряду с глубоко нормативным, формально-институциональным подходом к характеристике того или иного политического устройства, абстрагирующимся от существенных аспектов его функционирования, достаточно

¹⁷ R.Gastil. The Past, Present and Future of Democracy. «Journal of International Affairs», Winter 1985, Vol.38, N.2, p.161

¹⁸ R.Dahl. On Democracy. New Haven, 1999, p.6

¹⁹ Цит. по G.Sartori. The Theory of Democracy Revisited. Chatham, 1987, p.4

²⁰ R.Dahl. On Democracy. Op.cit., p.6

распространенным является и оценочный подход, открывающий широкий простор для субъективизма и эмоций при разграничении демократических и недемократических политических систем. Примером такого подхода может служить, в частности, позиция известного американского специалиста по проблемам демократизации, редактора весьма авторитетного журнала «Journal of Democracy» – М.Платтнера. По его мнению, демократией является лишь то политическое устройство, которое несет в себе качества «либеральной демократии», отличающейся последовательным и всесторонним уважением к соблюдению гражданских свобод, прав человека и торжеством закона. «Сегодня, – утверждает М.Платтнер, – когда мир говорит о демократии, это почти всегда означает «либеральную демократию», то есть тот тип политического устройства, который существует в Соединенных Штатах и в большинстве других экономически развитых стран».²¹

Как бы ни относиться к такому суждению, по сути дела вступающему в противоречие с тезисом о радикальном расширении «демократического ареала» как важнейшей политической тенденции конца XX века, ясно, что использование понятия «демократия» очень часто несет на себе печать идеализированного и весьма туманного образа некоего безусловно позитивного во всех отношениях политического устройства. Своеобразная идеализация демократии остается устойчивым стереотипом не только обыденного, массового сознания, но и многих политологических конструкций.

В связи с этим в западной политологии, приложившей немало усилий в плане теоретического осмысления феномена «демократия», появляются в последнее время весьма симптоматичные и, как представляется, вполне обоснованные высказывания по поводу семантической неопределенности, окружающей понятие «демократия». Американский политолог Дж.Мюллер прямо признает, например, что характерное для многих авторов идеализированное представление о демократии является своеобразной политологической проблемой, определяемой им как «проблема образа» демократии. Как отмечает Дж.Мюллер, ряд авторов, оценивая характер политического порядка, складывающегося в поставторитарных странах вообще и в посткоммунистических странах в частности, склонны руководствоваться в своих суждениях не «реалистическими стандартами», а неким «туманным идеалом». И это несоответствие между образом демократии и демократической реальностью становится, по мнению политолога, фактором, порождающим существенные аналитические трудности.²²

²¹ M.Plattner. By Popular Demand. «The New York Times Review of Books», Febr.7, 1999

²² J.Mueller. Democracy, Capitalism, and the End of Transition. In: M.Mandelbaum (Ed.), Post-Communism. Four Perspectives. N.Y., 1996, pp.102, 104

Похоже, что в свете политических реальностей современного процесса глобальной демократизации напрашивается вывод о том, что использование понятия «демократия» с целью характеристики той или иной политической системы может иметь аналитический смысл лишь при наличии уточняющих это понятие определений. В целом ряде случаев (и в случае с Россией в том числе) при оценке конкретной политической системы важно, как представляется, ответить не столько на вопрос о том, есть ли в данной стране демократия или нет, а о том, о какой именно демократии идет речь. Весьма показательной в этом смысле выглядит позиция американских политологов Д.Кольера и Ст.Левитски, которые в статье под характерным названием «Демократия с уточняющими определениями» пишут о важности конкретизации сегодняшних рассуждений о демократии и о процессах демократизации.²³ Между тем в российском дискурсе понятие «демократия» сплошь и рядом используется без каких-либо уточнений, как некий синоним безусловного политического блага. Как бы предполагается, что демократия может быть только совершенной, и эта идеализация демократии, некая завышенная требовательность к ее состоянию представляет собой тот стереотип многих аналитических построений нашей политологии, без преодоления которого трезвая оценка идущих в стране процессов невозможна.

В то же время, конкретизация рассуждений о демократии предполагает, на наш взгляд, уточнение не столько качественного состояния той или иной демократии (плохая она или хорошая, совершенная или неполноценная, консолидированная или неутвердившаяся), сколько ее характерологических особенностей, то есть специфики ее функционирования. Акцентирование внимания на качественных параметрах возникающей демократии пока, как правило, ведет к тому, что реальное состояние поставторитарного общества то и дело соизмеряется с классическими западными демократиями, рассматриваемыми как некий «эталон» качества. При этом, однако, неизбежно упускаются из виду содержательные различия между политическими системами, формирующимися в разных поставторитарных обществах. В конце концов, о неполноценности «новых демократий» можно с более или менее одинаковыми основаниями говорить применительно к очень большому числу самых разных стран. Но конкретные, типологические особенности демократий той или иной страны остаются в этом случае вне поля зрения.

²³ См. D.Collier and St.Levitsky, Democracy with Adjectives. Conceptual Innovation in Comparative Research. «World Politics», Vol.49, April 1997

Незападные общества и западные эталоны

Подчеркивая значение анализа нынешних процессов глобальной демократизации с точки зрения возрастания типологических различий современной демократии, выскажем некоторые из возникающих при таком подходе соображений.

Во-первых, следует обратить внимание на значительную сложность разработки категориальных дефиниций, необходимых для описания типологического многообразия демократий. В связи с этим возникает определенный соблазн к его безграничному расширению, в результате чего разговор о типологической неоднородности демократии, по сути дела, может быть подменен констатацией странового разнообразия функционирования демократических систем. Примером такой подмены может, в частности, служить утверждение весьма авторитетного западного компаративиста Х.Линца о том, что «существует так же много типов демократических режимов, как и много демократических правительств в обществах с разным уровнем экономического и социального развития, не говоря уже о разной степени реализации идеалов политической демократии».²⁴

Во-вторых, необходимо отметить существенные аналитические трудности органического совмещения качественной оценки той или иной «новой демократии» с ее содержательной характеристикой. В настоящее время имеется целый комплекс причин, побуждающих к рассмотрению типологического разнообразия демократий, главным образом, все же с точки зрения оценки их качественного состояния. Часть этих причин носит, так сказать, субъективный характер, будучи обусловленной уже упомянутой склонностью многих аналитиков видеть в классических западных демократиях своеобразный эталон качества современных политических устройств и, соответственно, описывать все «новые демократии» через призму их сходства с такой «классической моделью».

Однако другая часть причин, о которых идет речь, представляется гораздо более существенной. Это – причины объективного порядка, связанные с реальным состоянием «новых демократий». В подавляющем большинстве случаев трансформационные процессы, происходящие в последние десятилетия в поставторитарных обществах, отражают отнюдь не поиск соответствующих конкретной страновой специфике этих обществ новых моделей демократии, а скорее желание воспроизвести те ее модели, которые на протяжении длительного периода функционируют в экономически развитых странах Запада. В результате типологическое разнообразие «новых демократий» оказывается не более чем раз-

²⁴ J.Linz. Transitions to Democracy. «The Washington Quarterly», Summer 1990, p.143

нообразием несовершенств политических систем, возникающих в процессе такого механического копирования «эталонных» образцов, но во все не разнообразием моделей демократических устройств.²⁵

Учет этих тенденций к подражательности в развитии «новых демократий», к прямолинейному копированию ими классических моделей западных политических систем позволяет с большей трезвостью оценить распространенные как на Западе, так и в самих поставторитарных странах утверждения о неготовности этих стран к демократическим преобразованиям, об отторжении ими ценностей демократии и принципов демократического существования и т.п.

Работающий в Калифорнийском университете известный эстонский политолог Р.Таагапера, иронизируя по поводу тезисов о чуждости демократии многим поставторитарным обществам, вспоминает эпизод из своей жизни, связанный с шитьем костюма у местного портного в Марракеше. На недовольство выполненным заказом марракешский портной возразил, что костюм пошит по лучшему образцу, взятому из последнего парижского журнала мод, и если он плохо сидит на клиенте, то виновата в этом фигура самого клиента.²⁶ Подобным же образом рассуждают сегодня и те, кто возлагает на поставторитарные страны всю вину за их неудачи в осуществлении демократических преобразований. Согласно логике таких рассуждений, модели внедряемой в этих странах демократии совершенны. И неспособность воспроизвести их объясняется лишь пороками копирующих эти модели обществ.

Вместе с тем речь должна идти не о том, что модели демократического развития вообще не могут быть реализованы во многих поставторитарных странах (и в том числе в России), а о том, что существуют достаточные основания сомневаться в плодотворности установки этих стран на прямолинейное копирование западных моделей либеральной демократии – моделей, которые во многих случаях просто не соответ-

²⁵ Думается, что именно с объективной реальностью развития «новых демократий», скорее чем с идеологической тенденциозностью анализирующих эту реальность политологов, связано то обстоятельство, что «диверсификация» современной демократии чаще всего понимается не столько как возникновение новых типов демократии, сколько как расширение многообразия их неполноценности (в сравнении с классическими образцами) В частности, С.Хантингтон, говоря о «дифференцированности» сегодняшней демократии, трактует ее как появление все большего числа стран, занимающих на шкале «демократия – недемократия» место «где-то в промежутке между Данией и Китаем» (S.Huntington. Democracy for the Long Haul. Op. cit., p.10). Аналогична, к примеру, и позиция Г.О'Доннелла, который, возражая против черно-белого деления мира на авторитарные и демократические страны, говорит о возникновении на политической карте мира широкой зоны «серого цвета», образуемой «неполными демократиями» (G.O'Donnell. Illusions about Consolidation. «Journal of Democracy». Vol.7, N.2, April 1996, p.4)

²⁶ R.Taagapera. The Tailor of Marakkesh: Western Electoral Systems Advice to Emerging Democracies. Paper prepared for roundtable on «Electoral Systems for Emerging Democracies: Experiences and Suggestions» November 1996, Sorup Herregard, Denmark

ствуют их культурно-историческим, социально-политическим и экономическим реалиям.

Сегодня в нашей литературе можно встретить утверждения о том, что подчеркивание особенностей российской цивилизации и ее отличий от западной цивилизации ставит целью доказать неприемлемость либеральной демократии для России. Некоторые авторы прямо говорят о том, что «тезис о несовместимости российской и западной цивилизации выражает, по сути дела, завуалированное или, может быть, интуитивное неприятие либеральной демократии».²⁷ Возможно, для определенной части наших политиков и интеллектуалов левого толка так оно и есть. Однако думается, что использование кем-то спекуляций на проблеме культурной специфики России (спекуляций, преследующих определенные антидемократические цели) – отнюдь не повод для того, чтобы вообще уходить от серьезного разговора об этой проблематике.

Характер общественных трансформаций во многих поставторитарных странах говорит о том, что эталоны западной демократии не могут быть естественным образом усвоены «новыми демократиями», возникающими в незападных цивилизациях, и что результаты демократизации того или иного общества обусловлены его цивилизационными особенностями. Опыт и итоги российского транзита – одно из подтверждений этой истины. Эти итоги демонстрируют сегодня оправданность высказывавшихся некоторыми отечественными обществоведами еще в начале 90-х годов опасений по поводу способности России, «не повторяя основных стадий первоначального накопления и индустриального капитализма, сразу воспринять и утвердить образцы либеральной, социально ориентированной экономики современного Запада», требующей «особой культуры, тех правовых норм и нравственных императивов, которые складывались на протяжении веков и вошли в глубинные менталитеты людей западной культуры».²⁸ Более того, эти опасения, связывавшиеся преимущественно с экономическими последствиями общественных преобразований в России, выглядят сегодня достаточно реальными применительно и к их политическим аспектам.

На это же указывают и результаты трансформаций в латиноамериканском регионе, на африканском континенте, в странах Азии, да и в странах, возникших на постсоветском пространстве и в посткоммунистическом регионе Восточной и Центральной Европы. Все эти трансформации заставляют усомниться как в возможности незападных обществ в исторически короткие сроки освоить «западный опыт», так и в целесообразности его механического копирования.

²⁷ Ю.Федоров. Критический вызов для России. «Pro et Contra», Том 4, № 4, Осень 1999, стр.14

²⁸ См. «Россия и Запад: взаимодействие культур (материалы «круглого стола»). «Вопросы философии», 1992, № 6, стр.48

Подобные сомнения с большей или меньшей отчетливостью формулируются в последнее время как отечественными, так и зарубежными аналитиками. Российский политолог А.Мельвиль выражает их в весьма осторожной и даже несколько двусмысленной форме. «По-видимому, – пишет он, – еще предстоит убедиться в том, что демократия в ее современном понимании может прочно укорениться на православной, мусульманской, конфуцианской и иной культурно-цивилизационной почве».²⁹

Более определенной выглядит точка зрения ряда зарубежных исследователей. Японский политолог Т.Иногучи, являющийся одним из руководителей уже упоминавшегося выше международного исследования современной демократии, подчеркивает, что анализ реальных процессов глобальной демократизации «третьей волны» укрепляет «новое понимание демократии как регионального или культурного явления, отражающего исторические эволюционные пути развития, отличающиеся от путей развития вестминстерской модели парламентской демократии и ее американского варианта федерализма».³⁰ Британский политолог П.Чабал, исследующий политические трансформации на африканском континенте, приходит к выводу о том, что «существуют определенные свидетельства того, что все то, что со слишком большой готовностью было интерпретировано как некое всеохватывающее политическое изменение в направлении к большей демократизации, на самом деле вполне может оказаться не более чем поверхностным феноменом; это, несомненно, транзит, но не обязательно демократизация, – по крайней мере, в том смысле, в каком этот термин обычно понимается на Западе». Необходимо, по мнению П.Чабала, со всей серьезностью отнестись к возможности того, что «политические транзиты, происходящие сейчас, могут не вести к установлению на континенте (африканском – *Г.В.*) демократии западного типа».³¹

С еще большей категоричностью высказываются некоторые представители политической и академической элиты самих африканских стран, непосредственно оспаривающие возможность и разумность перенесения европейской модели демократии в неевропейскую культурную среду.³²

²⁹ А.Мельвиль. Политические ценности и ориентации и политические институты. В сб. «Россия политическая». М.1998, стр.138

³⁰ T.Inoguchi. Asian-style Democracy? In: T.Inoguchi et al. The Changing Nature of Democracy. Op.cit., p.173

³¹ P.Chabal. A few consideration on democracy in Africa. «International Affairs», Vol.74, N.2, 1998, p.291

³² См. например: J.Nyerere. Interview. «Africa Report», 1994, N.39, p.70; S.Makinda. Democracy and Multi-Party Politics in Africa. «Journal of Modern African Studies», 1996, Vol.34, pp.555-573; C.Monga. The Anthropology of Anger: Civil Society and Democracy in Africa. Boulder, CO.1996

Конечно, разочарования, связанные с итогами демократических преобразований, ориентированных на конформистское воспроизводство «эталонных» западных образцов, как, впрочем, и изначальное понимание порочности такого пути, имеют далеко не однозначные политические последствия. Нередко они оборачиваются (не только на уровне массового сознания, но и на уровне политических решений, принимаемых представителями элит незападных стран) неприятием демократии как таковой, отрицанием демократического пути развития вообще, объявляемого путем сугубо западным и не соответствующим цивилизационным особенностям незападных обществ.

Наиболее распространенной концепцией такого «культурологического отрицания» демократии является так называемая концепция «азиатских ценностей», согласно которой демократия чужда народам азиатских стран, традиционно приверженным антидемократическим ценностям конфуцианства, ставящим на первое место дисциплину, порядок, послушание и почитание авторитетов. Как известно, вокруг этой концепции на протяжении ряда лет идут ожесточенные споры. Ее противниками высказано немало аргументов, свидетельствующих о некорректности обобщений по поводу несоответствия демократии культурно-цивилизационным особенностям азиатских стран. Особой убедительностью отличаются недавние критические выступления таких авторитетных авторов, как лауреат Нобелевской премии по экономике за 1998 год Амартия К.Сен³³ или же Ф.Фукуяма³⁴.

Тем не менее было бы явным упрощением говорить о полной несостоятельности концепций, подчеркивающих особую роль культурно-цивилизационных детерминаций в процессе демократических преобразований. Если иметь в виду азиатские страны, то факторы культурологического характера, хотя и не являются здесь неким непреодолимым и повсеместным препятствием к возникновению демократий, все же, безусловно, накладывают свой отпечаток на трансформационные процессы, в значительной мере обуславливая возможности и специфические особенности реализации демократических проектов в этом регионе. Аналогичным образом эти факторы действуют и в других регионах мира, переживающих поставторитарные изменения.

Понимание значимости этих факторов отчетливо звучит в одной из последних публикаций С.Хантингтона, посвященной подведению итогов двадцатилетнего периода глобальных демократических трансформаций. В одной из своих последних публикаций, посвященных своеоб-

³³ Amartia K. Sen. Human Rights and Asian Values. Morgenthau Memorial Lecture. Carnegie Council on Ethics and International Affairs. N.Y., 1997; Ibid. Democracy as a Universal Value. «Journal of Democracy», Vol.10, N.3, 1999, pp.3-17

³⁴ F.Fukuyama. Asian Values in the Wake of the Asian Crisis. Paper presented to the Conference on Democracy, Market Economy, and Development. Seoul.Korea. February 1999.

разному подведению итогов двадцатилетнего периода нынешней «волны» демократизации, С.Хантингтон пишет, что «драматический рост демократии в столь короткий отрезок времени является... одним из наиболее впечатляющих и важных политических изменений в человеческой истории».³⁵ Но в то же время он признает неясность сущности этого изменения и особенно его перспектив. Весьма симптоматичным является вопрос, формулируемый автором: «Приближаемся ли мы к тому миру, в котором демократия станет не просто наиболее распространенной, а универсальной системой правления?»³⁶ В настоящее время ответ на этот вопрос, полагает С.Хантингтон, далеко не очевиден. Он в значительной мере зависит от двух факторов: от экономического развития трансформирующихся обществ и от того, насколько «восприимчивыми» к демократии окажутся незападные культуры. Сегодня, спустя почти четверть века после начала нынешних процессов общемировой демократизации, величайшее достижение «третьей волны» видится одному из ее наиболее авторитетных исследователей в том, что она «обеспечила универсализацию демократии в рамках *западной цивилизации*» (выделено мною – Г.В.) и «способствовала ее появлению в других цивилизациях». При этом центральным вопросом анализа поставторитарных трансформаций становится в наши дни, как признает С.Хантингтон, вопрос о том, «до какой степени современная демократия, являющаяся продуктом Запада, может укорениться в незападных обществах».³⁷

В свое время, формулируя свою концепцию «третьей волны» демократизации, С.Хантингтон отметил, что в политологической литературе рассматриваются 27 «независимых переменных», определяющих характер процесса демократизации и его результаты.³⁸ Реальный опыт трансформационных преобразований свидетельствует о том, что «независимые переменные», связанные с культурологическими характеристиками общества, играют в этом ряду далеко не последнюю роль.

Все это достаточно общеизвестные вещи, которым посвящена не одна сотня страниц в политологической и социологической литературе. Значительно меньшее внимание, однако, уделено в этой литературе вопросу о том, как понимание значимости факторов культурологического и цивилизационного характера повлияло на поведение осуществляющих демократические преобразования элит, в какой мере оно сказалось на решениях, принимаемых ими в процессе институциональных трансформаций.

³⁵ S.Huntington. After Twenty Years: The Future of the Third Wave. «Journal of Democracy», Vol.8, N.4, October 1997, p.4.

³⁶ Ibidem.

³⁷ Ibidem.

³⁸ S.Huntington. The Third Wave. Democratization in the Late Twentieth Century. Norman, 1991, pp.37-38.

Между тем, есть немало оснований полагать, что реализация демократических проектов была осуществлена во многих, если не в большинстве поставторитарных стран с явным небрежением к культурологическому контексту. Императив «стать такими, как весь цивилизованный мир», определявший, например, действия реформистской и демократически ориентированной части российской политической элиты в начале 90-х годов, отразил господствующую практически во всех поставторитарных странах мотивацию конформистской демократизации. Поставторитарные страны, в подавляющем большинстве своем являющиеся странами незападными, пошли по пути довольно прямолинейного, механического копирования западных институтов демократии. И эта подражательность, отсутствие творческого, инновационного начала в формировании ими собственных политических систем привела к тому, что пересаженные на незападную почву демократические формы обрели уродливые черты, наполнившись «незападным содержанием».

Некоторое время тому назад Ф.Шмиттер, рассуждая о будущем демократии, пришел к неутешительному с точки зрения традиционной концепции «глобальной демократизации» выводу. Будущее демократического развития мира, по его мнению, будет определяться отнюдь не «новыми демократиями», а старыми, утвердившимися либеральными демократиями, которым предстоит продемонстрировать свою способность эволюционировать, отвечая на вызовы времени. Одну из основных причин низкой роли «новых демократий» в определении будущего демократической системы Ф.Шмиттер видит в «почти тотальном отсутствии в неodemократиях экспериментирования с новыми институтами», в их ориентированности на подражание тому, что привычно рассматривается как «демократическая норма», а по сути является во многом уже дискредитировавшей себя «абсолютно рутинной практикой западных демократий», переживающих состояние упадка.³⁹ При таком «творческом бесплодии» неodemократий и доминировании в них конформистской установки на копирование западных образцов, напоминающей Ф.Шмиттеру электоральный лозунг, использованный в свое время К.Аденауэром, провозгласившим «Никаких экспериментов!», мир, по его словам, может в лучшем случае получить лишь «бледное отражение» западных институтов.

Реальность, однако, такова, что следствием подражательности «новых демократий» слишком часто оказывается появление не столько «бледных», сколько уродливых копий западных демократических институтов. Со всей очевидностью именно такой результат демократизации проявляется в России. Но далеко не в ней одной. Весьма симпто-

³⁹ См Ph.C.Schmitter. Presentation at the Conference «Democracy's Future», commemorating the fifth anniversary of the «Journal of Democracy» (Washington, April 1995) (<http://www.ned.org/>)

матична в этой связи постановка английским политологом А.Уэйром вопроса о вероятности «мутации» традиционной западной модели либеральной демократии в результате ее «экспортирования» в социальную и культурную среду незападных обществ.⁴⁰

Очевидно, было бы несправедливым возлагать всю вину за конформистский характер демократизации последнего периода лишь на политических акторов, непосредственно осуществляющих институциональные трансформации в поставторитарных странах. Нельзя не учитывать тот идеологический (а в ряде случаев и политический и даже экономический) «прессинг», которому они были подвергнуты и продолжают подвергаться со стороны «мирового демократического сообщества». По сути дела, реализация демократических проектов «третьей волны» осуществляется в условиях чрезвычайно активного внешнего давления со стороны «эталонных» демократий, под воздействием неких навязываемых извне стандартов поведения, которые можно было бы назвать «моральным кодексом строителя демократии». В этом, очевидно, проявляется один из аспектов общего процесса глобализации, сужающего самостоятельность отдельных государств не только в экономической сфере, но и в сфере политического развития и подвергающего их давлению западных образцов культуры, западных ценностей. И этот аспект глобализации, как и другие аспекты этого явления, несет в себе не только несомненно здоровое, позитивное начало, но и начало явно негативное с точки зрения национальных интересов некоторых «новых демократий». Тем не менее, даже учитывая этот «внешний фактор», обуславливающий утрату многими поставторитарными странами инновационного потенциала в процессе демократизации, нельзя не видеть той готовности, с которой большинство политических акторов этих стран восприняло навязанные извне институциональные модели западной демократии.

Творческое бесплодие «новых демократий» в процессе политического трансформирования общества проявляется не только в слепом копировании действующих в классических либеральных демократиях законов и институтов, не только в стремлении натянуть на себя «одежду с чужого плеча». Оно выражается и в появлении неких причудливых институциональных уродцев, создаваемых путем эклектического смешения демократических форм, практикуемых в разных «классических демократиях».

Достаточно показательные примеры таких «институциональных уродств» дает, в частности, «демократическое изобретательство» в России. В результате родились и весьма странные формы российского

⁴⁰ A. Ware. Liberal Democracy: One Form or Many? «Political Studies», Vol. XL, Special Issue, 1992, p.131.

федерализма, превратившие региональную автономию одновременно и в бесконтрольность местной власти, и в безответственность центральной власти; и нелепости законодательства, регулирующего функционирование избирательной системы таким образом, что при этом искажается волеизъявление граждан и выхолащивается смысл принципа представительства общественных интересов; и многое другое.

Порочность и неэффективность возникающих в «новых демократиях» институтов не только способствует дискредитации идей демократизации в поставторитарных обществах. Существенный урон наносится и общим перспективам демократии в глобальном масштабе. Как справедливо пишет американский политолог Дж.Маркофф, «для того, чтобы избежать тривиализации демократии и обеспечить ее способность ответить на вызовы XXI века, процесс демократизации должен стать чем-то большим, нежели простое распространение на новые регионы мира уже известных, устоявшихся моделей демократического устройства. Если демократия намерена обрести наполненное смыслом будущее, она должна будет подвергнуться переосмыслению и пересозданию, как это всегда происходило в прошлом».⁴¹

В свое время американский исследователь Г.Экстейн, исходя из конкретного анализа функционирования политической системы в одной из скандинавских стран, подчеркнул, что политические институты могут потерпеть неудачу, если они не будут соответствовать окружающей их «социальной реальности» общества.⁴² Сегодня, в свете процессов создания и развития новых демократий, эта довольно абстрактная формула звучит особенно убедительно и весьма актуально.

«Демократический транзит»: заторможенность или завершенность?

Все сказанное выше дает основания по-новому взглянуть на сущность и границы того явления, которое описывается в политологической литературе термином «демократический транзит».

С точки зрения концепций, рассматривающих «глобальную демократизацию» как некий феномен унификации политического ландшафта мира в соответствии с классическими стандартами политического устройства западных демократий, «демократический транзит» – это первый этап на пути перехода от авторитаризма к либеральной демократии западноевропейского и североамериканского типа – этап, на

⁴¹ J.Markoff. Globalization and the Future of Democracy. «Journal of World-Systems Research», Vol.5,N.2 (Spring 1999), p.256 (<http://csf.colorado.edu/wsystems/jwsr.htm>)

⁴² H.Eckstein. Division and Coherence in Democracies: A Study of Norway. Princeton, 1966

котором формируются институциональные основы этого политического устройства.

Однако с учетом реального характера процессов «третьей волны» демократизации, свидетельствующих не столько о пространственном расширении ареала «либеральной демократии» классического типа, сколько о типологической диверсификации рождающихся общественно-политических систем, совершенно логичным представляется иное понимание «транзита». Думается, что его можно трактовать всего лишь как процесс выхода того или иного общества из авторитарного состояния, критерием завершенности которого отнюдь не является обретение поставторитарным обществом какой-то одной изначально заданной, эталонной формы.

Еще в начале 90-х годов венгерский политолог А.Аг прозорливо заметил, что процессы политических преобразований в бывших коммунистических странах приведут к появлению здесь не какой-то единой демократии, а ряда разных демократий.⁴³ Реальности политического развития посткоммунистических стран в минувшее десятилетие в полной мере подтвердили этот прогноз. «Поразительно, – пишет сегодня, например, французский политолог Ж.Рупник, – насколько широко различаются результаты демократических транзитов в Центральной и Восточной Европе».⁴⁴ Подчеркнем, что при этом имеются в виду не разные уровни социально-экономического развития, достигнутые посткоммунистическими странами Восточной Европы, не многообразие результатов их перехода к рыночной экономике, а различия именно в итогах политической трансформации.

То обстоятельство, что политический облик многих «новых демократий» остается далеким от стандартов, ожидавшихся в соответствии с традиционными концепциями «демократического транзита», нередко трактуется сегодня как свидетельство существования особых трудностей и препятствий на пути осуществления этого «транзита». В политологической литературе фигурируют рассуждения об исчерпании наступательной динамики демократических преобразований, о том, что на смену «приливной волне» демократизации приходит ее «застой» и что трансформационные процессы вступили в полосу своеобразной «статичности».⁴⁵ Применительно к характеру политических трансформаций в посткоммунистических странах вообще и в России в частности выдвигаются утверждения о «замораживании» посткоммунистического состояния⁴⁶, о «затягивании транзита».⁴⁷ При всей трезвости подоб-

⁴³ A.Agh. The Transition to Democracy in Central Europe: A Comparative View. «Journal of Public Policy», Vol.11, N.2, 1991, pp.133-151.

⁴⁴ J.Rupnik. The Postcommunist Divide. «Journal of Democracy». Vol.10, N.1, January 1999, p.57.

⁴⁵ См. L.Diamond. Is the Third Wave Over? «Journal of Democracy», Vol.7, N3, July 1996, p.31.

⁴⁶ Zh.Zhelev. Is Communism Returning? «Journal of Democracy», Vol.7, N.3, pp.3-6.

ных суждений, нетрудно заметить сохранение их авторами общей убежденности в том, что сегодняшняя заторможенность «транзита» представляет собой лишь преходящее явление в судьбе переживающих демократизацию стран, что рано или поздно этот процесс получит новые импульсы и обретет необходимое ускорение.

Думается, однако, что очевидная на сегодня неоднородность итогов демократических преобразований в посткоммунистических странах, как и в других странах поставторитарного развития, позволяет, по сути дела, отказаться от представления о том, что эти страны пребывают в переходном (более или менее затянутом, но все же временном, переходном) состоянии, и сделать вывод о длительной (не временной, а именно длительной) устойчивости тех характерологических признаков, которые уже обретены к настоящему времени «новыми демократиями» в силу сугубо специфических особенностей того или иного общества. В большинстве случаев мы являемся свидетелями не более или менее продолжительного замедления переходных процессов, а их завершения.

В политологической литературе часто подчеркивается, что одним из важных критериев, позволяющих судить о завершенности «транзита» той или иной страны, является по меньшей мере двукратное проведение в ней выборов с соблюдением стандартных демократических процедур. Отмечается, что лишь после этого можно считать, что такие процедуры мирной, демократической смены власти стали нормой. В значительном большинстве поставторитарных стран «третьей волны» это уже произошло. Если говорить о России, то, несмотря на все опасения и все пророчества по поводу отмены выборов или их откладывания на неопределенный срок, страна уже три раза проходила через процедуры общенациональных демократических выборов. Уже три раза на основе демократических процедур избирался парламент, а в 2000 г. посредством этих процедур в третий раз избран и президент (причем, не переизбран, а именно избран новый президент).

Но дело, конечно, не только в этом. Наряду с устойчивостью электоральных процедур очень важна и устойчивость новой повседневной практики функционирования общественно-политического организма. И с этой точки зрения можно, как представляется, считать, что подавляющее большинство поставторитарных стран находится не на некоей «промежуточной станции» своего пути трансформации (на котором они задержались пусть надолго, но все же временно), а в конечном пункте того развития, на которое они оказались способны. Иными словами, речь идет о полной реализации ими своего потенциала институ-

⁴⁷ M. McFaul. The Perils of a Protracted Transition. «Journal of Democracy», Vol.10, N.2, April 1999, pp.4-18; Idem: Lessons from Russia's Protracted Transition from Communist Rule, «Political Science Quarterly», Vol.114, N.1, 1999, p.103-130.

циональных трансформаций, в результате которых новые политические системы, возникающие на месте прежних авторитарных систем (несмотря на наличие в них одинаковых институциональных признаков демократического устройства), превращаются (и, скорее всего, не могут не превращаться) в нечто существенным образом отличающееся и друг от друга, и от систем, существующих там, где первоначально возникли классические образцы демократии. Это отнюдь не исключает возможности их дальнейших изменений. Но это будет уже обычная, свойственная любому обществу эволюция, а не «транзит», если понимать его как радикальную перестройку институциональных конструкций политического устройства.

Думается, что на данное обстоятельство крайне важно обратить внимание, поскольку это позволяет избавиться от многих излишних иллюзий и многих неоправданно завышенных ожиданий относительно итогов поставторитарных и посткоммунистических преобразований вообще и российских трансформаций в частности. В меньшей степени это важно и для более рационального осмысления самого процесса политических трансформаций. При таком подходе этот процесс предстает не только бесконечной чередой упущенных возможностей и ошибок, допущенных представителями политической элиты, но и с гораздо большей отчетливостью обнаруживается объективная основа происходящего. По мнению английского политолога Г.Шопфлина, посткоммунистические системы уже кристаллизовались в «нечто полустоянное», а сам посткоммунизм является «неким особым рода состоянием, которое, хотя и имеет определенное сходство с западноевропейскими политическими системами и испытывает их влияние, но в большинстве других отношений демонстрирует свою собственную внутреннюю динамику». ⁴⁸ В связи с этим Г.Шопфлин делает вывод о том, что посткоммунизм – это «нечто значительно большее, чем просто переходный этап» в движении к эталонной демократии, и что он может «в течение обозримого будущего оставаться доминирующей особенностью политики» в восточноевропейском регионе. ⁴⁹

Своеобразным продолжением этой весьма убедительной, на наш взгляд, логики рассуждений является и мнение, формулируемое упоминавшимся уже выше американским политологом Дж.Мюллером. По его убеждению, мышление в категориях транзитологии способствует распространению «среди людей в странах новой демократии в Европе и в других регионах» необоснованных иллюзий по поводу возможности существенного улучшения поставторитарной системы в не столь отдаленном будущем. Однако, пишет Дж.Мюллер, «по всей вероятно-

⁴⁸ G.Schöpflin. Postcommunism: The Problems of Democratic Construction. «Daedalus», Vol.123, N.3, Summer 1994, p.128.

⁴⁹ Ibid., p.127.

сти, положение здесь уже никогда не станет намного лучшим». «Время фундаментальных изменений во многих из этих (поставторитарных – Г.В.) стран в сущности уже осталось позади, и их дальнейшее развитие будет происходить в среде, которая по сути своей является демократической».⁵⁰ «Большинство из посткоммунистических стран Центральной и Восточной Европы, так же как и многие из новых демократий в других регионах, – формулирует свой вывод автор, – уже завершили свои переходы к демократии: они уже являются вполне оперившимися демократиями, если не оценивать их по неким идеальным стандартам».⁵¹

Российская политическая система (к вопросу об уточнении специфики)

В свете подобных констатаций встает одна из чрезвычайно актуальных, на наш взгляд, проблем анализа современной России. Если исходить из того, что российский транзит, как и транзит большинства поставторитарных и посткоммунистических стран, к настоящему времени завершен (что не исключает, естественно, возможности какого-то нового этапа транзитных изменений в более или менее отдаленном будущем, не говоря уже об обычных эволюционных трансформациях общественного устройства), то возникает настоятельная потребность в определении специфики той политической системы, которая сформировалась и существует на данный момент в стране. При всех совершенно справедливых негативных оценках этой системы, подчеркивающих ее недостатки и пороки, некоего единства мнений относительно ее содержательной характеристики, судя по всему, до сих пор не существует. Между тем, уточнение именно этого вопроса представляется весьма важным для политической науки. Сегодня, на пороге нового столетия и спустя десять лет после начала масштабнейших общественных преобразований в России, крайне важно, наконец, понять, в какой политической системе живет страна.

Конечно, неверным было бы считать, что эта проблема до последнего времени не привлекала внимания специалистов. Напротив, вот уже в течение ряда лет она то и дело поднимается как российскими, так и зарубежными политологами. И тем не менее, несмотря на множество кочующих из текста в текст определений, емкой, научно достоверной, терминологически корректной и, главное, общеприемлемой

⁵⁰ J. Mueller. Democracy: Optimal Illusions and Grim Realities. Research Paper. Center for the Study of Democracy. University of California, Irvine, 1999. P.13.

⁵¹ Ibidem.

характеристики политического устройства нынешней России до сих пор так и не найдено.

Российское обществоведение, обращаясь к далеко не простой проблеме уточнения сущности политической системы современной России, чаще всего сосредотачивает свои усилия не на содержательной характеристике сложившегося общественно-политического устройства, а на описании его недостатков и пороков (в сравнении с классическими эталонными образцами демократических устройств). В начале главы уже было отмечено преобладание в работах, опубликованных российскими авторами в середине и второй половине 90-х годов, стремления охарактеризовать политическую систему страны по идеализированным меркам «эталонных» западных демократий. Более поздние публикации, затрагивающие эту проблематику, говорят о том, что российским исследователям пока не удается преодолеть ловушки излишне строгой нормативности такого сугубо «сопоставительного» подхода к оценке итогов нашей общественно-политической трансформации. По-прежнему сущность нынешней политической системы страны рассматривается преимущественно с точки зрения незрелости и несовершенства возникших в ней демократических институтов.

Так, в одном из разделов опубликованной в 2000 г. работы «Стратегия для России: Повестка дня для Президента-2000» содержится много интересных рассуждений о характере политической системы, доставшейся в наследство новому президенту страны. Однако, когда автор раздела пытается дать ее определение, он вновь ограничивается повторением таких терминов, как «незрелая демократия» или же «недемократия».⁵² В принципе сами эти термины вряд ли могут вызвать возражения. Вместе с тем они оставляют неясным, в чем же заключаются отличительные особенности этой «незрелости» или «недемократичности» российской демократии, чем российская политическая система отличается от других «недемократических режимов» третьей волны? Возникает вопрос: идентичен ли российский политический режим многим другим незрелым демократиям, возникшим в мире в последние десятилетия, или у него все же есть свое чисто российское лицо, если не сказать своя российская гримаса?

В попытках «уловить» специфичность общественно-политического порядка страны российские авторы зачастую используют для его характеристики такие понятия, как «авторитаризм», «олигархия», «феодализм», «клептократия». Однако ни одно из этих определений, каждое из которых как бы высвечивает одну из граней российской реальности на рубеже веков – грань действительно существующую и действительно

⁵² Россия после выборов: внутривнутриполитические императивы. В кн.: Стратегия для России: Повестка дня для Президента-2000. М. 2000.

важную, не охватывает всю крайнюю сложность и противоречивость этой реальности. Думается, что специфика российской политической системы заключается в ее какой-то особой многоукладности, причем, многоукладности по преимуществу неформализованной. Демократическая составляющая присутствует в этой системе наряду и на равных со множеством других составляющих, каждая из которых сама по себе не является господствующей и тем не менее в значительной мере определяет лицо системы. Таким образом, одной из проблем анализа политической системы России оказывается ее многоукладность, некая эклектическая всеядность, создающая возможность для сосуществования в рамках этой системы весьма разнородных элементов.

Как правило, сущность многоукладного характера российской политической системы раскрывается в отечественной литературе в параметрах противоборства авторитарных и демократических тенденций. Одной из наиболее популярных модификаций этого подхода выступает широко используемая концепция «гибридного режима», то есть политической системы, сочетающей в себе элементы автократии и демократии. При этом российские авторы акцентируют прежде всего авторитарную составляющую «гибрида», подчеркивая, что «плод», выросший в 90-е годы на российской почве, только своим внешним видом напоминает демократию, оставаясь авторитаризмом «на вкус». Между тем представляется, что подобная трактовка характера российской политической системы не только не приближает нас к пониманию ее специфики в сравнении со многими другими поставторитарными политическими системами, но и не обнажает подлинной сущности политического устройства, сложившегося в России за минувшее десятилетие.

Концепция гибридного режима, выглядящая на первый взгляд удачной политологической находкой, на деле мало что дает для выявления типологических различий между «новыми демократиями». Категория «гибридная система» применяется в наши дни для характеристики столь большого числа поставторитарных казусов в различных регионах мира, что становится ясно: она не столько описывает особый тип «новых демократий», сколько отражает общее для большинства из них состояние. Констатировать «гибридность» режима – значит образно описать незавершенность демократизации, причудливое, но вполне естественное для любого нового общества сосуществование и противоборство старого и нового (уже не авторитаризм, но еще и не вполне демократия). Поэтому суждения о «гибридности» российской политической системы скорее включают ее в широкий контекст поставторитарных демократий, нежели позволяют уяснить ее российское своеобразие.

Сомнения более принципиального характера вызывает сама правомерность определения российской политической системы на основе концепции гибридного режима и рожденного ею термина «авторитар-

ная демократия». Несмотря на якобы свойственное ей преобладание авторитарных компонентов, эта система на протяжении целого десятилетия остается на удивление неэффективной и неуправляемой, а власть – слабой, если не сказать бессильной. Однако известно, что неуправляемость общества и авторитаризм – понятия взаимоисключающие. Будь авторитарная составляющая действительно настолько существенна для российского политического порядка, как это утверждают многие авторы, нам не приходилось бы на каждом шагу сталкиваться с отсутствием порядка в социально-экономической и политической жизни страны. Разумеется, авторитарный или преимущественно авторитарный порядок далеко не идеален, он не отвечает широким общественным интересам и принципам справедливости. Но он, по крайней мере, не допускает хаоса.

Таким образом, авторы, сводящие особенности российской политической системы к конфликту авторитаризма и демократии, существенно упрощают проблему. Гораздо более важным для сегодняшней России является не столько конфликт между авторитаризмом и демократией, сколько конфликт между элементами реальной демократии, создающими позитивную перспективу общественного развития, и существующими в нынешней демократии элементами порочности, злокачественности, распространение которых обусловлено отнюдь не авторитарностью государственной власти, а, наоборот, ее слабостью, неэффективностью, ограниченностью, неспособностью упорядочивать демократический процесс.

С этой точки зрения в существенной корректировке нуждаются, на наш взгляд, доминирующие в политологической литературе мнения, объясняющие несовершенство нынешней российской демократии и препятствия, сохраняющиеся на ее пути, с одной стороны, непреодолимой приверженностью властных структур авторитарным методам правления, а с другой – устойчивостью традиционных форм общественного сознания, чуждых ценностям свободы и демократического выбора. Конечно, такие суждения отнюдь не лишены оснований. Для российской ментальности, действительно, характерны проавторитарные настроения, влияющие и на практику властных отношений, и на социально-политическое поведение рядовых граждан. Тем не менее было бы значительным упрощением говорить о социально-психологической предрасположенности российского общества к деспотии и о некоей изначальной и неизбывной антидемократичности национальной политической культуры. Думается, что речь должна идти не об отторжении нашим обществом демократии, а о прямо противоположном – о том, что на российской почве демократические всходы проросли слишком бурно, приняв крайне нецивилизованные и опасные для общества формы.

В свое время Н.Бердяев обратил внимание на особую черту российской национальной психологии: народ одновременно «нуждался во власти над собой и чувствовал инородность этой власти». «Вся русская история и вечный конфликт института государственного могущества с инстинктом свободолюбия и правдолюбия, – писал философ, – породили глубокую противоречивость национального характера народа, выражающуюся в том, что он является в одно и то же время «государственно-деспотическим» и «анархически свободолюбивым».⁵³ С одной стороны, русские люди привержены деспотическим формам правления, при которых подчиненность государству дает им чувство безопасности. С другой же стороны, в определенных ситуациях они требуют полной, граничащей с анархией свободы, последствия которой непредсказуемы.

Эта тяга к анархии проявилась в политических процессах минувшего десятилетия. Характерный для российской личности правовой нигилизм, склонность отождествлять свободу с анархической вольницей и вседозволенностью нарушили баланс интересов в обществе, усилив в нем центробежные, конфронтационные тенденции. В обществе, которое традиционно относится к демократии как к возможности нерегламентированных волеизъявлений и действий, энергия политического переустройства оказалась чреватой прежде всего всплеском свободы и общественной самодеятельности при отсутствии чувства ответственности и нежелании считаться с ограничениями и законами. Слишком быстрые и масштабные институциональные перемены, существенно опередившие формирование соответствующих норм и «правил игры», необходимых для нормального демократического общества, вызвали к жизни политическую систему, которую можно было бы охарактеризовать как «избыточную демократию».⁵⁴ Общественное сознание россиян продемонстрировало активное неприятие введения норм социального поведения, его упорядочивания, отчего элементы хаоса начали достигать критического уровня, а совершенно естественное проявление этой «избыточности» возникшей демократии – неуправляемость постсоветской системы – превратилось в одну из ее главных особенностей. Было бы ошибкой полагать, будто такая «избыточность» в понимании и использовании демократии и свободы бытует только на низовом уровне, ограничиваясь повседневным поведением рядовых граждан. Общественные представления, одобряющие вседозволенность и бесконтрольность в нынешней российской действительности, опираются на весьма широкую социальную базу, включающую в себя не

⁵³ Н.Бердяев. Избранные сочинения. М., 1989, стр.34.

⁵⁴ Подробнее авторскую позицию по этому вопросу см.: Г.Вайнштейн. Между полной несвободой и полным хаосом. О природе политической системы современной России. «Pro et Contra», Лето 1998, Том 3, № 3, стр.40-56.

только массовые, но и элитные группы. Многие представители политической, региональной, хозяйственной элит сплошь и рядом тяготеют к правовым рамкам и противятся цивилизованной регламентации. Жизнь вне писаных правил и стремление использовать хаос и отсутствие порядка в своих эгоистических интересах стали своего рода нормой поведения представителей всех слоев общества, воспроизводя расхлябанность, неэффективность и социальную несправедливость сложившейся общественной формации.

При этом негативное отношение к упорядочиванию и регламентации общественной жизни носит весьма парадоксальный характер. Оно сочетается с доминирующей в общественном сознании потребностью в порядке. И это свидетельствует о том, что значительная часть российских граждан, одобряющая, по крайней мере на вербальном уровне, регулирование поведения других, явно противится регулированию собственного поведения. Иными словами, многие люди хотят применения к другим правил и законов, которые сами они соблюдать не желают.

В результате характерной чертой российской «избыточной» демократии оказывается перманентное соперничество всех со всеми без согласованных правил игры. Это крайне затрудняет согласование и компромиссное улаживание интересов, а на результаты таких процедур нельзя положиться – в зависимости от соотношения сил их пересматривают или произвольно трактуют, что вносит в общественную жизнь элементы особой нестабильности.

Конечно, известная неопределенность перспектив социально-политического развития – естественный атрибут демократической системы. Она заложена в самом принципе состязательности общественных интересов, отличающем демократию от авторитаризма. Однако в нормальной демократии речь идет об «ограниченной неопределенности», или, как формулируют некоторые западные политологи, об «относительной неопределенности, твердо регулируемой относительными определенностями».⁵⁵ Нынешняя российская политическая система радикально иная. Демократизация в нашей стране институционализировала почти ничем не ограниченную неопределенность. В течение длительного времени в общественном развитии страны сохраняется гораздо больше элементов неопределенности, чем может выдержать неокрепшая система. Поскольку у этой неопределенности нет должного набора надежных ограничителей, сложившийся порядок остается неустойчивым и до крайности зависимым от личностного фактора – определяющего в российской политике.

⁵⁵ Ph.C.Schmitter. The Consolidation of Political Democracies: Processes, Rhythms, Sequences and Types. In: G.Pridham (Ed.) Transitions to Democracy. Comparative Perspectives from Southern Europe, Latin America and Eastern Europe, 1995, Aldershot, p.536

Трудности с управляемостью общественным развитием, безусловно, не являются некой отличительной особенностью российской политической системы. Подобные трудности испытывают в последние десятилетия даже страны классической демократии. И, разумеется, с особой остротой они проявляются в поставторитарных обществах вообще и посткоммунистических, в частности. «Универсальной проблемой всего посткоммунистического мира во всем его огромном страновом разнообразии, – подчеркивает американский политолог Ст.Холмс, – является кризис управляемости».⁵⁶ Однако, если применительно к характеристике посткоммунистических демократий в целом «кризис управляемости» вряд ли можно считать их типологической особенностью (слишком аморфной является данная характеристика для всего множества посткоммунистических стран), то в случае с российской системой именно «неуправляемость» выступает одним из ее важнейших отличительных признаков. В этом случае речь идет не о трудностях управления обществом на стадии глубоких преобразований (такие трудности испытывают власти многих других стран, сталкивающиеся с чрезвычайно масштабными проблемами) и не о слабости государства (демонтаж институтов государственной власти сопутствует общественным трансформациям во многих странах). Речь идет о той особой, не имеющей аналогов в других странах сопротивляемости общества по отношению к усилиям, направленным на управление им.

Иными словами, российская неуправляемость обусловлена тем, что к общим для всех посткоммунистических стран причинам снижения управляемости обществом (масштабность и сложность проблем общественных трансформаций и разрушение традиционных институтов власти) добавляется еще одна, сугубо российская причина – негативное отношение самого общества к регулированию и упорядочиванию свободы. Именно это сочетание факторов придает, на наш взгляд, специфический характер российскому типу демократии как демократии, не приемлющей ограничений, видящей в любых ограничениях только лишь симптомы авторитаризма и стремления власти к безраздельному диктату.

Известный западный политолог Ф.Закариа, который несколько лет тому назад ввел в научный оборот широко используемый сегодня термин «нелиберальные демократии» (*illiberal democracies*), в одной из своих недавних публикаций заметил, что действующие в странах Запада либеральная демократия и капитализм добиваются успеха потому, что они «жестко регулируются законом». И с учетом этого обстоятельства, которое, по мнению Ф.Закариа, является важнейшим уроком,

⁵⁶ St.Holmes. Cultural Legacies or State Collapse? Probing the Post-Communist Dilemma. In: M.Mandelbaum (Ed.), Post-Communism: Four Perspectives. Op.cit., p.50

преподаваемым западным миром «новым демократиям», единственный совет, который, как он пишет, может быть дан тем, кто вступает сегодня в «прекрасный новый мир» демократического сообщества, таков: «Пристегните ремни, предстоит ухабистая езда».⁵⁷

Российский опыт последнего десятилетия показывает, однако, что нашему обществу удивительно чужд инстинкт самосохранения. Оно не только не выносит «пристегнутых ремней», но и вовсе готово разрушить те конструкции, к которым эти «ремни» крепятся. И в наши дни, когда со сменой кремлевского руководства появились определенные признаки стремления власти восстановить управляемость обществом, в стране, и в первую очередь, в среде либерально-демократической интеллигенции обострились страхи по поводу того, что за признаками этими в действительности таится не желание хоть как-то упорядочить движение страны по рытвинам и ухабам демократии, а угроза «завинчивания гаек» и сворачивания с демократического пути развития вообще.

Ориентиры демократизации

Возвращаясь, однако, к теме типологического многообразия демократии, отметим, что сама постановка вопроса о диверсификации демократий как об отличительной черте современного процесса «глобальной демократизации» сопряжена с необходимостью освобождения от некоторых довольно устойчивых политологических стереотипов. Одна из проблем такого подхода – возможность появления упреков в том, что тезис о типологической разнородности демократий грешит излишним объективизмом, что он как бы снимает с повестки дня вопрос об ориентирах политического развития поставторитарных обществ, ведет к отказу от использования качественных критериев в оценке той или иной неodemократии.

Думается, что такие упреки не совсем правомерны. Дело не столько в наличии или в отсутствии ориентиров политического развития «новых демократий», а в том, как понимать эти ориентиры. До сих пор в качестве таких ориентиров, как правило, явно или неявно выступали классические либеральные демократии западного типа. Вместе с тем ориентиры подобного рода не только нереальны (как уже подчеркнуто, реализация образцов западной демократии в условиях незападных цивилизаций в одних случаях вряд ли возможна, в других – нецелесообразна, в третьих – контрпродуктивна). Они к тому же и сомнительны.

Один из парадоксов последних десятилетий состоит в том, что приобщение десятков новых стран к демократической системе правления

⁵⁷ F. Zakaria. Across the Great Divide, «Newsweek», 6 December, 1999

происходит как раз в тот период, когда в самих странах так называемой зрелой демократии резко усиливаются массовые разочарования в этой системе и углубляется недовольство функционированием демократических институтов. Именно в середине 70-х годов, то есть в момент возникновения первых симптомов будущей «волны демократизации», весьма авторитетные западные исследователи выступают с первыми громкими утверждениями о «кризисе демократии».⁵⁸ И на протяжении всех последующих лет распространение ареала демократии вширь сопровождается накоплением все новых и новых свидетельств негативных явлений, характерных для состояния демократии в зоне ее традиционного господства.

Социологи и политологи, занятые анализом этих явлений, приводят весьма внушительные данные, иллюстрирующие масштабность снижения доверия граждан практически во всех странах «развитой демократии» к своим политическим лидерам, к парламентам, правительствам, партиям, профсоюзам, крупному бизнесу, судебным органам, средствам массовой информации. Далеким от совершенства является и положение в ряде западных стран с соблюдением гражданских прав и свобод.⁵⁹

Конечно, западные аналитики далеки от единодушия в понимании сущности и причин описываемых ими явлений. Мнения приверженцев алармистских тезисов о «кризисе демократии», о падении жизнеспособности демократического процесса активно оспариваются сторонниками более осторожных суждений. По убеждению последних, рост массового недовольства функционированием демократических институтов, хотя и служит основанием для серьезных тревог, не должен тем не менее рассматриваться как разочарование граждан в самих принципах демократии⁶⁰ или же как утрата ими веры в фундаментальные ценности демократической системы правления.⁶¹ При анализе развивающейся в последние десятилетия эрозии социального и политического доверия граждан к демократическим институтам сталкиваются, с одной стороны, мнения тех, кто усматривает основную причину происходящего в объективных пороках самих этих институтов и в их деградации⁶², а с другой – тех, кто считает, что виной всему служит рост

⁵⁸ M. Crozier, S. Huntington and J. Watanuki. *The Crisis of Democracy*. N.Y., 1975.

⁵⁹ См. в частности: A. Puddington. *Does America Have a Human Rights Problem?* In: *Freedom in the World*. 1998-99, Op.cit.

⁶⁰ D. Fuchs and H.-D. Klingeman. *Citizens and the State: A Relationship Transformed*. In: *Citizens and the State*. Eds. by H.-D. Klingeman and D. Fuchs. Oxford, 1995.

⁶¹ R. Dalton. *Political Support in Advanced Industrial Democracies*. Research Paper. Center for the Study of Democracy, University of California, Irvine, 1998.

⁶² K. Newton and P. Norris. *Confidence in Public Institutions: Faith, Culture or Performance?* Paper presented to the Annual Meeting of American Political Science Association, Atlanta, September 1999; P. Norris. Ed. *Critical Citizens: Global Support for Democratic Government*. Oxford. 1999.

массовых притязаний, расширение требований, предъявляемых гражданами к демократическим институтам, которые просто не успевают совершенствоваться, с тем чтобы адекватно реагировать на вызовы современной эпохи.⁶³

В нашу задачу не входит в данном случае выражение своего отношения к этим концепциям. Однако очевидно одно: состояние демократической системы, существующей в западных обществах, далеко от благополучия. Можно спорить о масштабах и глубине характерных для этой системы пороков. Можно дискутировать по поводу способности «развитых демократий» к преодолению этих пороков и реформированию. Но нельзя отрицать тот факт, что так называемое совершенство западных «полноценных» демократий – вещь весьма относительная.

Конечно, реально существующие западные демократии представляют собой на сегодняшний день, очевидно, наиболее развитые формы этого устройства. Тем не менее это отнюдь не исключает возможности появления наряду с демократиями западного типа неких иных, качественно полноценных моделей демократического устройства. Характерным в этом смысле представляется, в частности, мнение Ф.Фукуямы о перспективах развития демократии в азиатских обществах. Конкретная форма, которую примет в конечном счете азиатская демократия, считает Ф.Фукуяма, вряд ли будет идентична модели, существующей в США и других странах Запада. Однако, полагает он, «если конфуцианские традиции в Азии помогут найти точный и стабильный баланс между свободой и коллективизмом, то Азия поистине станет политическим раем на Земле».⁶⁴

Таким образом, учитывая, с одной стороны, пороки нынешних западных демократий, а с другой – принципиальную вероятность возникновения других, по крайней мере, не менее совершенных (в сравнении с западными) форм демократии, более соответствующих условиям незападных обществ, западные модели политического устройства, очевидно, могут лишь с чрезвычайно большой натяжкой рассматриваться как ориентиры политического развития поставторитарных обществ. Подлинными ориентирами демократического развития гораздо правильнее было бы искать в некоем идеале совершенной демократии.

Естественно, сформулировать что представляет собой подобный идеал, крайне сложно, если вообще возможно. Идеал – понятие субъективное. Его содержание в значительной мере определяется культурно-историческими традициями того или иного общества и ценностными ориентациями его граждан. Оно существенным образом зависит от

⁶³ M.Dogan. Erosion of Confidence in Advanced Democracies. «Studies in Comparative International Development», Vol.32, N.3, Fall 1997, pp.3-29.

⁶⁴ Fr.Fukuyama. Confucianism and Democracy. «Journal of Democracy», 1995, Vol.6, N.2, P.33.

характера стоящих перед обществом реальных проблем и условий, определяющих возможности их решения. Тем не менее насчитывающие многовековую историю усилия человеческой мысли и накопленный человечеством практический опыт политической инженерии позволяют в общих чертах обрисовать некоторые контуры идеального политического устройства: политическая демократия, наиболее полно реализуемая посредством подлинно свободных, конкурентных выборов; конституционный либерализм, то есть законодательно оформленные и повседневно соблюдаемые социальные, политические, экономические и религиозные свободы граждан; разделение властей, обеспеченное эффективной системой сдержек и противовесов; господство закона; работающие механизмы постоянной подотчетности власти перед гражданами. И хотя формируемое этими элементами понимание совершенной демократии является главным образом продуктом западной цивилизации, сами демократии, существующие в странах Запада, идеальными никак не могут считаться.

Поэтому тот, кто рассматривает их как ориентиры политического развития поставторитарных обществ, по сути дела закрывает глаза на то, что политические устройства, воспринимаемые ими в качестве образцов для подражания, сами нуждаются в существенных изменениях, вызывая глубокие разочарования у людей, живущих в реальном мире этих «эталонных образцов».

Вместе с тем, поднимая «планку» ориентиров, следует отчетливо сознавать, что речь идет именно об идеале политического устройства, который, как и любой другой идеал, недостижим в реальной действительности. Совершенствование политической системы в соответствии с идеалом представляет собой бесконечный процесс, который, по определению, не может быть завершен.